

Гравюра на дереве

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г75

Г75 Гравюра на дереве / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 38 с.

ISBN 978-5-519-90017-1

ISBN 978-5-519-90017-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Г Р А В Ю Р А

Н А Д Е Р Е В Е

■ СБОРНИК ЧЕТВЕРТЫЙ — 1929 ■

СО Д Е Р Ж А Н И Е

П. Д. Эттингер—Круг Фаворского	4
А. В. Бакушинский—А. И. Кравченко	14
Р. Е.—Гравюра в иностранной книге	23
Н. Б. и П. Э.—Хроника	28
П. Эттингер—Московская деревянная гравюра в экслибрисе за 1928 г. . .	31

Г Р А В Ю Р Ы В Т Е К С Т Е

А. Д. Гончаров—Дантон (1928)—на обложке. В. А. Фаворский—Академия Наук (1927) стр. 4; иллюстр. к «Фамари» (вариант) (1922) стр. 5; 2 иллюстр. к «Эгерии» (1921) стр. 6 и 7; Обложка к «Двойной Ошибке» Меримэ (1927) стр. 8; две промышленные марки (1928) стр. 27 и 31 и издательская марка «Огонек» (1928) стр. 31. П. Я. Павлинов—иллюстр. к «Русалке» Пушкина (1923) стр. 9. М. Л. Фрам—иллюстр. к роману «Андрей Кожухов» Степняка (1928) стр. 10 и 11. Н. И. Падалицын—Лес (1926) стр. 12; Пейзаж (1927) стр. 13. А. И. Кравченко—Старая Москва (1925) стр. 14; 2 иллюстр. к рассказу «Венецианское Зеркало» Ботаника Х. (1926) стр. 16 и 17; иллюстр. к Тиллю Уленшигелю Костэра (1928), вариант, стр. 19; концовка (1922) стр. 22. Н. И. Пискарев—иллюстр. к «Железному Потоку» Серафимовича (1927) стр. 23; пригласительная карточка (1927) стр. 30; книжный знак Холодовских (1928) стр. 31. А. А. Суворов—Р. О. Д. К. (1925) стр. 25; Елатьма (1927) стр. 28. А. П. Радищев—Книжный знак И. Рерберга (1928) стр. 32. М. В. Маторин—Книжный знак Л. Варшавского (1928) стр. 32.

Н А В К Л А Д Н О М Л И С Т Е

П. Я. Павлинов—Портрет В. И. Ленина

Марка работы
Н. Л. Бриммера

**Издание Комитета Популяризации Художественных Изданий
при Государственной Академии Истории Материальной Культуры**

**Издание Комитета Популяризации
Художественных Изданий при Го-
сударственной Академии Истории
Материальной культуры. Типогр.
Академии Художеств, Тучинов пер. 1
Завказ Лб 3 7 7 4. Ленинградский
Областлит Лб29681 Тираж 1000 экз.**

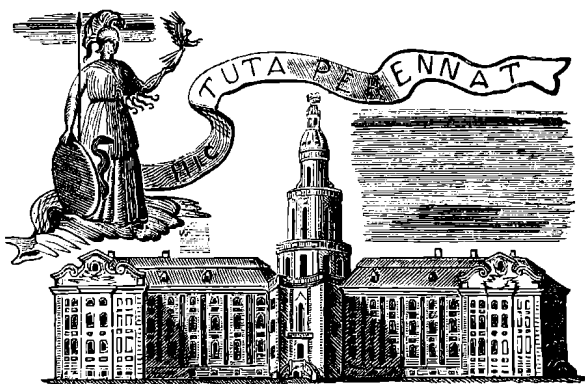
24 апреля скончался Николай Леонидович Бриммер. Смерть его — невознаградимая утрата для искусства, так как он ушел в полном расцвете творческих сил, которые заметно росли с каждой новой его работой.

Трудно сейчас осилить мыслью всю значительность потери этого молодого, талантливого художника, не только горевшего исключительным энтузиазмом к искусству и выразившего его в своих прекрасных гравюрах, но и будившего в других энергию и уверенность в важности и необходимости любимого им дела. Это особенно сказалось в том подъеме и увлечении, с которыми он проводил издание нескольких сборников «Гравюра на дереве», являющихся, в буквальном смысле, его детищем. Н. А. Бриммер собирал литературный и иллюстрационный материал, осаждал и торопил авторов; сам верстал сборники, входя в каждую, казалось бы, незначительную мелочь; наблюдал за печатанием...

Выходящий сборник, посвященный творчеству московских художников — граверов, так же как и предыдущие, целиком создан любовным старанием и заботами Николая Леонидовича.

Тяжкой, невыразимой скорбью исполнены сердца его друзей и всех лично знавших этого талантливого художника; прекрасного товарища; человека с подлинной общественной жилкой, умевшего претворять зарождавшиеся идеи в живую, конкретную форму.

Творчеству Н. А. Бриммера будет посвящен специальный сборник, как венок на его могилу, — эти же извещающие о его смерти строки сопровождают сборник, созданный покойным.

К Р У Г Ф А В О Р С К О Г О

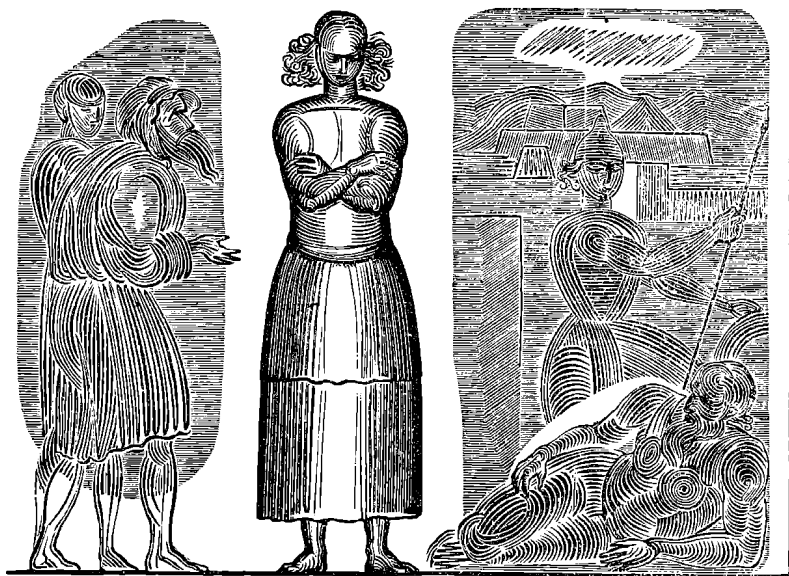
П. ЭТТИНГЕР

ЧТО круг этот существует и существует издавна — факт неоспоримый, не требующий особых доказательств. Круг стал образовываться еще в начале революции, когда появлялись — главным образом в изданном С. А. Абрамовым журнальчике «Москва» — первые гравюры Фаворского, производившие столь сильное впечатление, и вскоре затем началась педагогическая деятельность Владимира Андреевича во Вхутемасе. В ближайшие годы недоброжелатели не без злорадства указывали, что так называемый круг Фаворского в сущности состоял только из него самого и многочисленных явных подражателей, в подтверждение чего кем-то был даже пущен в ход глагол «фаворить» и говорилось о «фаворятах».

В этом была доля истины. Действительно, эффект того пового, что приносил с собой Фаворский в области обогащения и изощрения ксилографической техники, равно и теоретического обоснования всего искусства деревянной гравюры был так исключителен, что его влиянию в большей или меньшей степени подвергались все московские граверы, да и не одни московские. И не удивительно, конечно, что в первые годы учения на графическом факультете Вхутемаса ученики Фаворского подражали своему профессору сильно и подчас более чем дозволено.

С тех пор прошло уже несколько лет, и общая картина значительно изменилась в настоящий момент. Круг с центральной фигурой Фаворского остался, но облик его, качественно и количественно, уже иной. Кой-кто

совсем выбыл, как Н. Н. Купреянов и А. И. Усачев. Первый, в ксилографической эпохе которого были моменты близости к Фаворскому, как известно, совсем распростился с деревянной гравюрой и из графических печатных техник культивирует теперь одну лишь литографию. Усачев долго и упорно боролся с всемогущим влиянием Владимира Андреевича и, усиленно добиваясь собственного стиля, решил даже временно перейти от торцовой к обрезной гравюре. Трудно пока судить, насколько это удалось крепкому и многообещающему ксилографу, каким всегда представлялся Усачев, так как педагогическая деятельность в Художественном

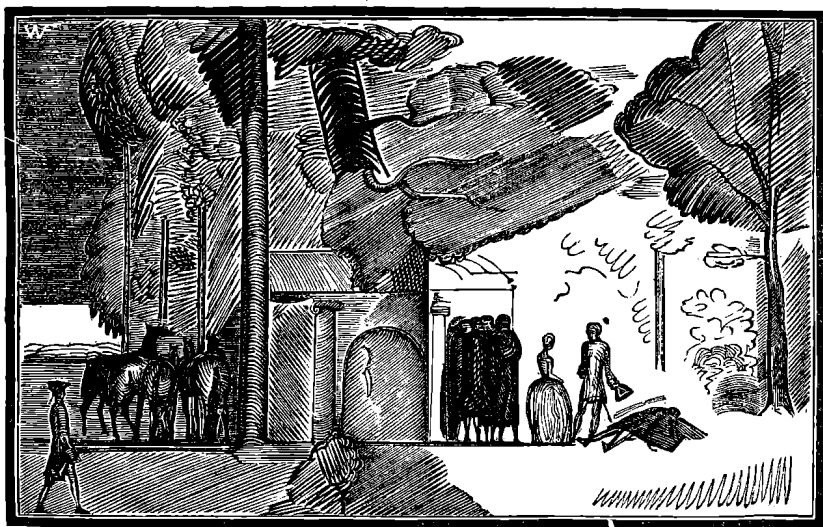
Институте в Киеве в такой мере абсорбировала художника за последние годы, что для творчества у него оставалось не много времени. Все-же немногие его листы, дошедшие до нас, показывают иного Усачева, идущего по каким-то новым, не вполне еще определившимся путям. Естественно, отошли из круга и те, что в свое время примкнули к нему только мимоходом, лишь с одного бока.

В данное время было-бы уже смешно сравнивать группу Фаворского с крупной планетой, окруженной еле заметными сателлитами, и пренебрежительный термин «фаворята» сам собой исчез. Наоборот, можно удивляться, как относительно быстро созрели некоторые из учеников Владимира

Андреевича, успев уже в известной степени выявить свое собственное лицо, и как все менее заметным в их произведениях становится влияние любимого мастера. Теперь перед нами круг граверов, тесно сплоченный общими художественными исканиями и устремлениями, но вместе с тем богатый разнообразием индивидуальных талантов и дарований.

Из старшего поколения московских граверов Павел Яковлевич Павлинов, по личным дружественным связям и общему мировоззрению, всегда ближе всех стоял и стоит к Фаворскому, и в кругу его занимает видное и почетное место. Как это обычно бывает с серьезными художниками, лично не заботящимися о своей славе, Павлинов мало известен большой публике и не дождался еще ни монографической статьи ни персональной выставки, чем, ведь, может похвастать большинство советских граверов. Между тем талант Павлинова, как раз за последние годы, удивительно окреп и развернулся, как технически так и композиционно, и те отражения фактуры Фаворского, которые иногда замечались в его прежних гравюрах, давно изжиты художником. Все, за что берется Павлинов, отличается всегда какой-то ему свойственной сосредоточенностью и убедительностью, одинаково чуждой внешним эффектам как и дешевой виртуозности. К прекрасному портретисту, каким он всегда считался, теперь присоединился первоклассный иллюстратор, одинаково мастерски справляющийся, как с историческим жанром в «Человеке на часах» Лескова и печатающихся

в настоящее время «Записках Бенони» итальянца Руфини, так и со сказочной романтикой пушкинской «Русалки» — эти не изданные еще гравюры были нарезаны много лет тому назад и являются чуть-ли не первым опытом книжной иллюстрации Павлинова — и с современным народным бытом в шатиловском рассказе «Два друга», который так непозволительно не-ряшливо был издан ГИЗ'ом. Все эти великолепно исполненные гравюры настоящие иллюстрации в лучшем значении этого слова; они являются не легким пластическим аккомпаниментом текста, но вникают в его глубь, дополняют и подчеркивают его главенствующие моменты.

Приложенный здесь портрет Ленина — одно из последних произведений в длинной портретной галерее Павлинова, в которую вошло много знаменитых русских и иностранных людей. Психологически углубленный подход к человеческому лицу, знаменовавший павлиновские изображения Белинского, Пушкина, Островского, Бакунина и др., сказывается и в голове Владимира Ильича, но вместе с тем тут заметно что-то новое, бросается в глаза какой-то поворот в портретном искусстве гравера. Ленин трактован более темпераментно и динамичнее многих других портретов Павлинова, и в этой сочной гравюре больше живописности, чем в иных его листах. В Москве Павлинов — портретист не имеет пока последователей, но влияние его уже успело сказаться на творчестве даровитого витебского ксилографа З. И. Горбовца, знакомого нам по двум изданным в Витебске его альбомам.

ДВОЙНАЯ ОШИБКА

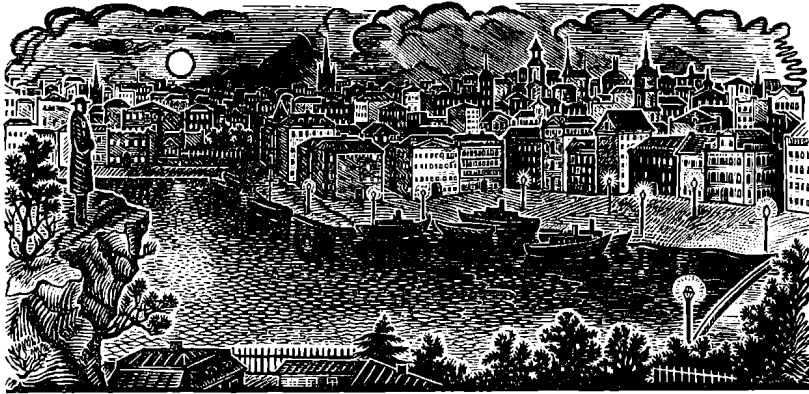
А С А Д Е М И А

Среди непосредственных учеников Фаворского во Вхутемасе, знакомых уже по выставкам и воспроизведениям, один лишь Андрей Дмитриевич Гончаров уже покончил свои счета со школой, большинство-же остальных как раз теперь занято дипломными работами. В виде таковой Гончаров в прошлом году изготовил сюиту гравюр к «Пугачеву» Есенина, которая еще не дождалась книжного оформления. Впоследствии молодой художник награвировал несколько иллюстраций к «Легенде о великом инквизиторе» Достоевского и большую значительную композицию «Дантон в законодательном собрании», малый вариант которой украшает обложку настоящего сборника. В этих новейших своих ксилографиях, отличающихся от предыдущих более уверенным рисунком, Гончаров довольно далеко ушел от направления своего учителя, от композиционной четкости и связанности Фаворского, как и его до ювелирности тщательной обработки доски. Гончаров, наоборот, стал теперь любить широкие обобщенные жесты и линии, он оперирует большими плоскостями и пятнами и, повидимому, стремится к декоративности, к чему-то в роде монументального

стиля фресковой стенописи, тяготение к которой заметно и в его чисто живописных работах. Любопытно, куда его поведет этот новый путь; во всяком случае большой «Дантон» бесспорно ценное интересное достижение, открывающее дальнейшие перспективы для творчества юного гравера. В новейшей своей иллюстрационной работе — Ст. Злобина «Салават Юлаев» для ГИЗ'а—Гончаров, естественно, идет по более проторенной дороге, но и в этих динамичных гравюрах сказывается отмеченное движение вперед художника.

Приходится очень сожалеть, что длительное отсутствие из Москвы Иосифа Ароновича Шпинеля не дало возможности познакомить читателей «Гравюры на дереве» с образцами творчества и этого талантливого ксилографа, одного из самых зрелых учеников Владимира Андреевича. Шпинель впервые обратил на себя внимание крупнейших размеров листом «1905 год», нарезанным на линолеуме совместно с другим учеником Фаворского и отличным рисовальщиком Марком Моисеевичем

Аксельродом, который в последнее время, к сожалению, отчасти отошел от деревянной гравюры. Задуманный в виде старинного лубка с множеством отдельных сцен и получивший премию «1905 год» — воспроизведен в № 5 московского журнала «Полиграфическое Производство» за 1925 г. — изобилует удачными деталями, и для студентов Вхутемаса должен был считаться настоящим *tour de force*. Революционному пафосу и вообще напряженному драматизму, который уже сказался в одной из его самых первых гравюр, запечатлевшей эпизод еврейского погрома, Шпинель остался верен и в своих дальнейших работах, в роде иллюстрации к «Шахматам» Безыменского, гравюре «Баррикады» и мотива из гражданской войны, исполненного в текущем году. Все эти листы, как и более мелкие работы Шпинеля, технически вполне зрелы и уравновешаны; они подкупают недюжинным умением мужественно, без всякой театральности, подходить и разрешать драматические моменты недавнего прошлого. В этом направлении, вероятно, можно еще много ждать от И. Шпинеля и не лишено знаменательности, что для своей дипломной работы он избрал пушкинскую «Капитанскую дочку».

В противовес насыщенной, специфически еврейской эмоциональности последнего, в творчестве Николая Ивановича Падалицына преобладает чисто славянский лиризм, особенно в его задушевных пейзажах. К ним у этого гравера, очевидно, большое тяготение, и мне недавно пришлось видеть у него большую почти законченную доску с живописным видом его родного города Смоленска. Действительно, пейзажи пока лучшее, что было сделано Падалицыным. Среди вышеназванных учеников Фаворского он, пожалуй, больше других еще во власти своего мастера и некоторых его приемов, что заметно главным образом в прикладных работах,